

Дорогая редакция!
В конце прошлого года я был в Москве. Мне удалось посмотреть тогда пару матчей хоккейного турнира на приз «Известий». И вот там в перерыве я увидел актера Вячеслава Невинного, который оживленно и со знанием дела обсуждал перипетии игры. Я давно люблю этого артиста, особенно его роли Петра Себейкина в мхатовском спектакле «Старый Новый год», крестьянина Юсси в советско-финской кинокомедии «За спичками», Виктора Баныкина по прозвищу Большой в телевизионном сериале «День за днем». Для меня было очень приятно, что он, как и я, равнодушен к хоккею, к спорту. Если это возможно, попросите его выступить на страницах «Советского спорта».

В. МАНОШИН,
инженер-конструктор,
ЯРОСЛАВЛЬ.

Рассказывают, что у подъезда дома, где живет певица Алла Пугачева, днями, неделями напролет толкуются молодые люди. Донимают телефонными звонками артистку и ее знакомых, бомбардируют письмами, требуют автографов. Нечто в том же роде происходит порою и вокруг прославленных спортсменов.

Так вот, я тоже отношусь себя к поклонникам и искусства, и спорта. Но никогда — и не только теперь, но и в годы наивной юности — не смог бы унизиться сам и унижить своего кумира столь истерическим поклонением. Думаю, природа подобных восторгов одинакова независимо от того, семнадцатилетние ли девочки или сорокалетние мужи «в воздух чепчики бросают», эстрадная ли звезда или спортивное светило ослепляет, туманит им очи. Первопричина — непонимание.

Великий реформатор театра К. С. Станиславский говорил в свое время, что сценическое искусство «должно быть понятно любому спичечнику» (так называли в его времена людей, торговавших спичками с рук и

особенной культурой не отличавшихся). Демократичность спорта еще более очевидна. Он предназначен для всех вместе и для каждого в отдельности. На трибуне стадиона всякий человек может считать себя старшим тренером всех времен и народов и волноваться: «Ну куда он побежал? Какой ногой ударил? Головой надо играть, головой!».

Но, к сожалению, в последнее время взаимоотношения спортсменов и болельщиков нередко становятся неуважительными, а главное, лишенными взаимопонимания. И потому я хочу высказать свои соображения об аудитории спорта.

Иногда меня изумляет, почему трибуны освещаются игроком, а не наоборот — до такой степени некачественно реагирует публика. Быть зрителем может кто угодно. Быть хорошим, серьезным, знающим дело зрителем — это искусство.

Болельщики наши в большинстве своем обладают чувством справедливости. Известно, что во многих других странах публика не способна так горячо и искренне аплодировать приехавшей издалека команде, если та демонстрирует больший талант и большую самоотверженность, чем хозяева поля. Отчего же тогда мы замечаем порою, что стоит, скажем, любимой команде или признанному лидеру чуть-чуть оступиться, испытать замешательство, как зрители немедленно отдают свои симпатии более удачливому сопернику? Понимаю: болельщики не любят проигрывать. А где же верность? Куда делась принципиальность? Болеть, на мой взгляд, — это вовсе не значит терять свой собственный характер, забывать об объективности, паниковать при первых признаках неудачи.

Вячеслав НЕВИННЫЙ, народный артист РСФСР: РАССКАЖУ О «ЧИКИРОМЕ» И О ТОМ, КАК УЧИЛСЯ Я СМОТРЕТЬ НА ПОЛЕ СТАДИОНА

Я предпочитаю смотреть любительские соревнования вместе с теми, кто хоть немножко занимался этим видом спорта, а особенно люблю те виды, которыми увлекался в молодые годы сам. Потому что если я, к примеру, не смыслю в тонкостях прыжков в воду, то и не могу в полной мере оценить элегантность, изящество, отвагу мгновенного полета с вышки или трамплина. Зато, скажем, велоспорт или футбол мне близки и понятны.

Я родился и вырос в «железном городе» — Туле, где прежде был самый известный велотрек в стране (до появления фантастического сооружения в Крылатском). Мои земляки знают толк в «велике», и я, как многие пацаны, тоже записался в велосипедную секцию. Поначалу всех нас гоняли по шоссе, трек был «на сладкое». И пусть я не достиг особенных высот, зато научился понимать, что это такое — когда ветер свистит в ушах. Мы шли в спорт не из соображений укрепления здоровья, мальчишкам такой разумный практицизм обычно не знаком.

Играл я и в футбол — этой игре отдана моя главная бо-

лельщическая привязанность. В детстве, как и все, наверное, гонял тряпочный, сшитый из старого чулка мяч — теперь уже и не верится, что других мячей попросту не было. Да что говорить про нас, если даже игру сборной тех времен теперь называют иронически «футбол в длинных трусах». А между тем тогдашняя игра была достойна истинно всенародной любви, с какой относились к ней все мы, от мала до велика, волнения, какое испытывали мы, как только из картонных репродукторов раздавался голос Вадима Синявского.

Когда я поступил в Школу-студию МХАТ, то сразу же вошел в движение, которое можно было бы назвать «театральным футболом». Очень популярна была тогда у актера игра с загадочным именем «чикиром». Правила простые. Ворота — пара ящиков, столбов, деревьев. Поле — институтский коридор, первый попавшийся двор, баскетбольная площадка, полянка в лесу. Играли теннисным мячом, двое на двое, причем со сменной составов и в три периода, как в хоккее. Из хоккея же пришли и силовые приемы, которые не только позво-

лялись, даже приветствовались, — стены трещали! Помню, например, как силен и талантлив был в «чикироме» Игорь Кваша, ныне народный артист РСФСР.

Да и позже я при случае играл с удовольствием. МХАТ, где я работаю с той поры, участвовал в первенстве театров столицы по футболу (теперь эта традиция исчезла). В команду входили прежде всего рабочие сцены, электрики, но подлинным лидером был Николай Николаевич Озеров, еще не давний, что его ожидает будущее популярнейшего спортивного комментатора.

Участвовал в наших матчах и ветеран театра Анатолий Петрович Кторов, о котором говорили как о последнем актере, умевшем носить фрак, и удивлялись, что он тоже бегал с мячиком. А по-моему, тут ничего странного нет. Может быть, именно спорт и придал ему замечательную осанку и бодрость.

Вскоре после окончания вуза мне предложили сняться в кино — режиссер Евгений Карелов ставил тогда фильм «Третий тайм». О футболе, разумеется, Пересказывать сюжет не стоит, многие его помнят. Ска-

жу только, что я играл одного из советских военнопленных-футболистов, а роли вражеских офицеров-футболистов исполняли по преимуществу спортсмены. Тренировал обе команды Сергей Сальников, консультантом пригласили Андрея Петровича Старостина.

На съемках нам приходилось подолгу ждать солнца, и стали мы от нечего делать играть с нашими экранными соперниками. Дело было в Одессе, а значит, на трибунах старенького стадиона, где шли съемки, постепенно появилась публика. Зрители приходили с утра пораньше и сидели до позднего вечера. И я на какое-то время ощутил себя «в шкуре» футболиста, который слышит реакцию трибун, знает, что за каждой случайной ошибкой, досадным промахом тут же последует издевательский свист. Тяжелое это чувство, скажу честно.

Мне кажется справедливым то, что теперь можно дисквалифицировать стадион за некорректное поведение болельщиков. И не в кучке хулиганов и пьяниц дело, не в том, что десять зрителей ведут себя скверно, а страдают потом тысячи верных поклонников спорта. Если на стадионе создана здоровая моральная атмосфера, то никакой заблуды не позволит себе выходок. Да и администрация спортивного сооружения несколько более ответственно станет относиться к дисциплине на трибунах, если будет знать о возможных штрафных санкциях. В этом смысле спортсмены и болельщики должны быть поставлены в равные условия.

Кстати о том, что в среде спортсменов принято деликатно именовать «нарушением режима». Я убежден, что квали-

фицированное боление еще и в том выражается, что оно не допускает пьяного угара. В нетрезвом виде даже и у себя дома по телевизору смотреть всерьез, с настоящим интересом никакой матч нельзя — точно так же, как нельзя в нем участвовать.

Да, болеть надо учиться, но и спортсменам нужно вырабатывать в себе осознание своей особой роли. Мне иногда обидно бывает видеть полнейшее пренебрежение атлета к тому, какое впечатление производит он на зрителей. Иные даже подводят под это интеллектуальную «базу» — дескать, если я буду думать о зрителе, то забуду о сопернике, отвлекусь, утрачу психологический настрой. Да ничего подобного! Я ведь говорю не о позерстве, не о фланировании небрежной походкой по краю поля вместо участия в борьбе. Речь идет об умении выступать, именно выступать, что я считаю слагаемым спортивного мастерства. Оценки за артистизм стоило бы составлять не только фигуристам. Во всяком случае мы, зрители, всегда это делаем.

Вот Рамаз Шенгелия. Не зря этого тбилисского динамовца признали лучшим футболистом минувшего года в нашей стране. Когда он оказывается с мячом вблизи ворот, я всегда знаю: что-то будет! Он нацелен на победу, на гол всем своим существом, на красивую и честную игру. Но это отнюдь не мешает ему быть артистичным, ощущать себя в перекрестии множества заинтересованных взглядов. Про иных его коллег этого, к сожалению, не скажешь.

Спорт — это отчаянная, требующая напряжения всех мыслимых и немыслимых сил, бескомпромиссная борьба за высокий результат, за победу над

соперником, за победу, в конечном счете, над самим собой. За то мы все его и любим. Но спорт — это еще и зрелище. Не будет болельщиков — и спорт высших достижений утратит очень многое, если не все. Точно так же и театр становится искусством лишь тогда, когда зрительный зал заполняет публика — полноправный соучастник, соавтор сценического действия.

Расскажу одну историю. Однажды мы с Озеровым после хоккейной игры зашли к спортсменам в раздевалку и увидели Третьяка. Он был очень грустный. «Ты что это расстраиваешься, Слава?» — спросил его Николай Николаевич. «Дочка заболела. А чем, не знаю. И когда я теперь домой попаду? Все игры...» — и он печально покачал головой. И я всем сердцем ощутил, какую цену приходится платить иногда большому спортсмену за то мастерство, которому мы рукоплещем до боли в ладонях.

Тут я вообразил на мгновение, что у подъезда Третьяка будут торчать молодые ребята, мечтающие поглядеть на него без хоккейных доспехов. И пожалел и самого Владислава, и глупых этих ребят, вроде тех, что взяли в осаду Аллу Пугачеву. Надо учиться смотреть на сцену и на поле стадиона, надо видеть больших художников искусства и спорта в момент, когда они творят, делают свое главное дело, а не едут в троллейбусе. Ибо творчество, если это подлинное творчество, способно сказать нам гораздо больше и о самом нашем кумире, и об искусстве, которому он себя посвятил, и о жизни. Если присмотреться...

Размышления болельщика с многолетним стажем услышал и записал **С. ВИШНЯКОВ.**